

Вырезка из газеты
СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

г. Москва

5 ИЮН 1986

Андрей Болтнев

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОФЕССИИ

ЧТОБЫ ЗРИТЕЛЬ ВЕРИЛ

Он многих удивил. Никто не ожидал, что после Лапшина в известном фильме Алексея Германа он откажется на роль предателя Кротова в телесериале «Противостояние». Но именно эта работа принесла Андрею Болтневу широкую известность. Актера стали осаждают журналисты, заговорили о новом лице, новом стиле, о мощных резервах актерского перевоплощения.

Недавно ему исполнилось сорок. Он влюблен в профессию, с азартом испытывает в ней свои силы. Смело идет на риск и кажется абсолютно непобедимым плыть по волне. Идти против ветра — в его характере.

— А вы хотели, чтобы я сказал: «Хочу сыграть Гамлета»? Так ведь? — zaczynaет разговор Болтнев. — А мне интересна комедия. В «Поездах на старом автомобиле» Петра Фоменко я снялся в роли комедиантки. Вас это удивляет? Просто не хочу пристегивать себя к ампула. У меня и в новосибирском театре «Красный факел», где я играл, ампула не было, играл все.

— Что же для вас главное в роли?

— Понимаете, когда предлагают роль, обычно сразу возникает общее представление о ней. Человеческие страсти ведь существовали всегда — властолюбие, любовь, предательство, ревность, вера в идею и отрицание этой идеи. В общем, существует некий стереотип: примерно все знают, как это надо играть. А я хочу уйти от стереотипа, обмануть зрителя и себя проверить: смогу ли я сыграть то, чего от меня не ждут? Интересно испытать себя как актера, но ведь всякий раз я себя открываю и как человека.

— И даже в отрицательной роли, я имею в виду вашего Кротова?

— Видите ли, человек по природе противоречив, сложен, это клубок довольно запутанных чувств. Для меня как для актера Лапшин и Кротов стоят на одной ступеньке по энергии ненависти. Только один живет для людей, а другой — для себя. Любая роль держится на энергии, как на стержне. Я стал актером поздно. В 25 лет только поступил в Ярославское театральное училище — у меня, знаете, все в жизни как бы с опозданием. Но когда стал работать в театре, то понял, что это значит — играть!

— Говорят, что вы принесли на экран и на сцену (имею в виду роль директора школы в спектакле Театра имени Маяковского «Завтра была война»)

черты героя 30-х годов. Угадали утраченный тип — личность волевою, мужественною, благородною. При нынешнем экранном и театральном дефиците на сильного героя это не могло не вызвать зрительского интереса. Вам самому близок такой тип героя?

— Что касается типа, то я об этом не думал. Люди во все времена были одинаковыми, разными были обстоятельства, в которых они жили. Не бывает какого-то «типа», есть человек в действии, в деле.

Когда я прочитал сценарий «Лапшина», то буквально заболел ролью. Понял, что это та драматургия, которая дается актеру редко. Чаще всего драматургия предлагают долгий путь из пункта А в пункт Б, где актер по ходу успевает «расплескаться». А есть сценарии, когда между А и Б короткая напряженная линия. Чувства уплотнены и скрыты. Сколько можно сыграть на этом коротком отрезке!

— О фильме «Мой друг Иван Лапшин» говорят, спорят. В нем многое необычно, не привыкли мы, что вот так, как прямой репортаж из прошлого, можно показывать время, героев. Загадка изначальная — как это вообще можно сыграть?

— А у Германа невозможно играть в привычном понимании этого слова. Надо просто быть самим собой. Иногда мне казалось на съемках, что Герман создал какую-то невероятную, «петехническую» машину времени и переместил нас в эту машину.

Представьте: в павильоне выстроили интерьер квартиры тридцатых годов. Эффект поразительный — приходишь на съемку и сразу попадаешь в атмосферу тех лет. Все, до чего ни дотронешься, подлинное: журналы, кровати, лампочки. Герман давал нам как бы предельно «обжитый» во времени, как должен человек обжиться в чужой квартире, среди чужих вещей. Я эту квартиру полюбил, считал собственной, тут волей-неволей будешь играть по-другому.

Герман и сам работает необычно. Стоит за камерой и меняет задачи прямо в момент съемки. Так у него рождается сцена. Тут и играть надо, и ловить ухом любую реплику режиссера за камерой. «Остановись, возьми стакан, подними газету» — это он говорит, а съемка идет, камера работает, не схватившись на лету, замешкаешься — и все: сцена испорчена...

А вообще мне очень близок его взгляд на актера. Он в актере ищет в первую очередь человека. Это и мой прин-

цип: актер — это человек, а не механический набор профессиональных способностей, это вся его жизнь, которую он прожил. Весь жизненный опыт, вся психофизика ложатся на роль. Все нелепое, грустное, трагическое, будничное, смешное, что было в жизни.

— А вас не беспокоит, что, взявшись за роль Кротова, вы как бы изменили своему жизненному принципу? Ведь вы не Кротов. Герман, читала, был искренне расстроен, узнав, что вы пробуете на роль убийцы, — настолько в его представлении, да и в представлении многих, срослись с образом Лапшина.

— Я не о человеческой близости с Кротовым говорю. Моя личная нравственная позиция как раз в том, чтобы вызвать к нему максимальную ненависть. Кротов мне ненавистен. Но я актер, и роль мне интересна не только тем, близок ли душевно или нет мне герой, но и тем, что в ней можно играть.

— Не кажется ли вам, Андрей Николаевич, чтобы сыграть такого отвратительного типа, как Кротов, его надо сперва... оправдать, что ли?

— Не оправдать даже — полюбить. Как можно, к примеру, себя любить. И, поверьте, это не кощунство. Это единственный выход. Мне говорили: Кротов потому так страшен, что выглядит абсолютно нормальным человеком, этого я и добивался. Не мерзавцем, а «нормальным», незаметно живущим среди нас и хотелось его показать.

От сути шел к пластике. Я был во время съемок стройный, подтянутый, чувствующий свою силу. Ходил, как человек-капкан, всегда напряжен, насторожен, в состоянии постоянной готовности. Кротов — это человек, которого нельзя застать врасплох, я все время помнил про это. Во всем нужна была абсолютная достоверность.

— Многие зрители отметили документальный характер фильмов, в которых вы снимались: «Мой друг Иван Лапшин», «Торпедоносцы», «Противостояние». Достоверность ваших героев тоже по природе документальна...

— Действительно, отталкивались часто от документа. Смотрел редкую архивную хронику для «Противостояния». С Алексея Германа начался этот документализм — он даже испугал некоторых. В «Лапшине», например, была сцена, которую потом вырезали, — у моего героя начинается приступ после контузии. Длинная, снятая единым куском сцена. И ведь не ради натурализма эпизод был сделан. Не в самом приступе дело, а в том,

как я с ним борюсь, как мне — Лапшину — стыдно. Мучительно стыдно слабости. Такое сыграть невозможно. Я и не играл, мне кажется, в такие минуты все отдано на откуп природе, иногда сама природа в тебе говорит сильнее, чем десятки наработанных актерских приемов.

— Вы идете за режиссером или больше склонны доверять себе?

— Доверять себе? Я режиссеру доверяю безоглядно и полностью, он все равно знает лучше и больше меня. Существовать его прерогатива, и я ей полностью подчиняюсь. Лишь бы рядом были талантливые люди, которые знают, чего они хотят от тебя.

— Какой герой вас интересует сегодня?

— Противоречивый, больше ничего не могу добавить. У которого все нелепо, как, может быть, у меня сейчас.

— Удастся воплотить такого героя?

— Трудно сказать, но пока работа есть интересная. В театре репетирую в двух спектаклях: по пьесе Ю. Эдлеса «Игра теней» — философской притче о любви, власти, долге. В сатирической драме Сухова-Кобылина «Дело» играю управителя имения Ивана Разуваева. А в кино? На «Ленфильме» у Виктора Титова в 13-серийной экранизации романа Горького «Жизнь Клима Самгина» играю полковника Попова, офицера охрапки. Снялся в двух фильмах о войне — в картине «И никто па севе» на студии имени Довженко и на «Мосфильме» в ленте «Я сделал все, что мог». Да, опять военные роли, я их люблю.

— Вам, конечно же, пишут. А есть письмо, которое вам особенно дорого?

— От одного ветерана войны. Он написал, что благодаря роли Кротова многим стало понятнее, кто стоял против нас в последней войне, какая мощная, упорная, чудовищная сила была на стороне врага. И мы ее сокрушили.

Письма пухлые, по ним я себя проверяю. Я и сейчас разговариваю с вами и не перестаю в себе разбираться.

— И к чему же вы в результате пришли?

— Главное — чтобы зритель тебе верил. И еще — не порекался удивляться, что ты можешь быть и другим. Не похожим ни на Лапшина, ни на Кротова.

Беседу вел
Н. РТИЩЕВА.